Я люблю цветы. Мне нравятся стихи. Но больше всего мне нравится писать о битвах. Я хочу стать более сильной. Я взяла имя Вайолет из своего любимого стихотворения «Розы красные»*. Имена людей всегда имеют какое-то значение.

—Акацуки Кана

Когда эти чувства проснулись в нем? Он понятия не имел, каким был спусковой крючок. Если бы его спросили, что он любит в ней, он не смог бы выразить это словами.

«Майор». Прежде, чем он сам понял это, он был счастлив, когда она позвала его. Он полагал, что должен был защитить ее, когда она последовала за его спиной. Его грудь стучала с неизменной преданностью.

—Кому и для чего эта преданность? Предположим, её преданность мне... ее губы автоматически будут говорить только те слова, которые нравятся мне. Так как она ищет подчинения и распоряжений, то, получив одобрение Господина, это станет её мотивацией. Тогда ... как насчет моей собственной жизни? Как насчет моей любви? Ради кого они?

Майор и его Всё.

Изумрудные глаза открылись. Они принадлежали маленькому ребенку. Широко раскрытые глаза, только проснувшегося маленького ребёнка, которому не исполнилось и шести лет, отражали окружающий мир.

Когда он спрыгнул с кареты, в которой спал вдоль дороги, перед ним расстился летний пейзаж. Первое, что привлекло его внимание, это красота деревьев, выстроенных на пути к зеленому лесу. Они горделиво возвышались, расположенные близко друг к другу, от старых до саженцев. Тени, образованные мягким, чистым светом, падающим на землю из щелей между листьями, выглядели почти как танцоры, листья качались на ветру, походя на хихиканье маленьких девочек.

В течение этого сезона, белые цветы, унесенные в шторм лепестков, были отличительной чертой Лейденшафтлиха. Почти как метели северных стран, цветы плавали в воздухе. Их лозы ассоциировались с героями, которые защищали страну от непростого количества вторжений, и были посажены по всей стране. Эти лозы распускали красивые цветы во время смены весны на лето.

«Это наш семейный цветок». Его Отец прошептал это предложение, идя впереди него. Его глаза, которые двигались во многих направлениях, когда его водила рука старшего брата, упали на спину отца. Возможно, ощущая тёплый взгляд своего сына, отец обернулся, и хотя он не мог этого сказать, но мог подтвердить, следовал ли он должным образом позади него. Как и у юного подобия, радужки его отца были зелеными, за исключением немного другого оттенка, и носили строгий взгляд.

Как раз из-за того, что его отец повернулся вспять, он был счастлив до такой степени, что хотел пуститься в пляс. Скорее всего, это было идолопоклонство. Однако, хотя его сердцу было приятно, выражение его лица оставалось суровым. Все, что его беспокоило, это то, сделал ли он что-нибудь основательное, чтобы получить выговор в этот момент.

«Что это за... о «о нашем семейном цветке»?» Его старший брат плохо подражал словам отца своим тихим голосом.

Родитель и дети пошли вниз по зеленой дорожке. Вне сцены, созданной красотами природы, было то, что выглядело как область для военных учебных заведений. В нем было несколько человек, которые носили ту же пурпурно-черную форму, что и их отец. Малыш вел себя так, словно исследовал что-то своеобразное, и то, что открылось перед его зрачками, мерцающими звездами любопытства, это фигуры солдат на марше, которая не разрушалась ни на секунду.

Отец привёл своих сыновей на места, которые, казалось, были предназначены для уполномоченных людей, чтобы посмотреть что-то, что должно было начаться. Оставив их сидеть на стульях снаружи, он ушёл.

В дополнение к тем, кто носил военную форму, были также солдаты военного флота, одетые в белоснежную форму со стоячими воротниками. Окружив истребители и разведывательные самолеты, они болтали между собой, четко разделившись на две стороны. Хотя и те и другие были силами обороны, они казались самодовольными и недружелюбными друг к другу. Со взгляда ребенка, это было забавное зрелище.

Возможно, нервничая из-за того, что нигде не видел своего отца, он взмахивал руками и ногами, бесцельно опуская взгляд на ноги. Лепесток бугенвиллии, который его отец назвал их «семейным цветком», упал. Когда он с усилием протянул руку, пытаясь взять ее в ладонь, не двигаясь с места, его старший брат, сидящий рядом с ним, потянул его обратно.

«Гилберт, веди себя хорошо». сказал его брат угрюмом тоном, Гилберт смиренно подчинился.

Он был послушным ребенком. Его домом был Лейденшафтлих, и он был потомком известных героев южной военной нации.

Для мужчин семьи Бугенвиллея было принято вступать в армию. Это был не первый раз, когда его отец, занимавший там высокое положение, приводил братьев на подобные мероприятия.

Его брат схватил его за руку и крепко сжал. Даже без этого, Гилберт был не из тех мальчиков, которые повторяли бы отруганные действия.

«Если ты опозоришь имя Бугенвиллии, я буду наказан за то, что пренебрегал своими обязанностями по надзору за тобой.»

Поскольку брат, получавший лекцию с сопроводительным кулаком от своего отца, было чем-то часто наблюдаемым в повседневности, было ожидаемо, что он даст хорошо слаженный ответ, чтобы не испортить настроение отца. Гилберт это прекрасно понимал.

В доме Бугенвиллии, где жили Гилберт и его старший брат, каждый должен был проявлять свое поведение с особой тщательностью; в противном случае, казалось, словно, что проступающие из стен дома иглы, гвозди, мечи и шипы розы, пронзят их тела и прольют кровь. Вместо того, чтобы быть комфортным местом, это было, как если бы он их постоянно судил. Таков был их дом.

«Так скучно...» - сказал его брат, надувшись. Его взгляд был направлен не на солдат армии, а на солдат военно-морского флота. «Такая штука... кажется скучной, не так ли, Гил?»

Хотя Гилберта попросили о согласии, он не знал, что ответить. Он не мог согласиться.

—Почему ты так сказал?

Он полагал, что такие чувства, как скука, должны быть отброшены в этой ситуации. Независимо от того, насколько утомительным это могло быть, они должны были терпеть это. Вот почему он перестал действовать как беспокойный ребенок, на которого легко влияли другие. Его брат должен был знать об этом, так почему же он зашел так далеко, что устно искал согласия?

Поскольку Гилберт был еще ребенком, он ответил по-детски: «Ты не можешь говорить такие вещи».

"Все в порядке. Мы можем говорить об этом тихо. Как будто я позволю даже свои мысли контролировать. Знаешь, Гил ... это точно ... то, что сделали папа и папин отец, и даже отец папиного отца. Это ужасно, верно?

«Почему это плохо?» - спросил Гилберт.

«Разве это не так, как будто у них нет собственной воли? Послушай, причина, по которой папа привел нас сюда сегодня, состоит в том, чтобы сказать: «Ты станешь таким, как я».

«Почему это плохо?» - спросил Гилберт.

«Это должно заставить нас понять, что мы не можем выбрать ничего, кроме этого».

«Почему это плохо?» - спросил Гилберт.

Поскольку он не понимал чувств своего брата, несмотря ни на что, последний казался расстроенным и раздраженным, слегка сжимая кулак и сильно ударяя Гилберта по плечу рукой, которая держала его. «Я хочу стать моряком. Не просто моряк. Капитан. Я бы повёл своих товарищей и рисковал бы по всему миру. Я также хочу свой собственный корабль. Гил, ты хороший ученик, поэтому тоже можешь стать путешественником. Но ... мне ... нам никогда не позволят стать тем, кем мы хотим.»

«Разве это не очевидно?» - спросил Гилберт. «Поскольку мы из семьи Бугенвиллии».

Хозяйство было аккуратно составлено из пирамидальной иерархии, где отец стоял на вершине; под ним были мать, дядя и тетя, а под ними был старший брат, Гилберт и их сестры.

В доме, в котором родился Гилберт, для меньших людей было естественно склонить головы к старшим, и противодействие им недопустимо.

Гилберт и его брат были маленькими механизмами, призванными обеспечить преемственность семьи Бугенвиллии, защищая ее героическую честь. Могут ли механизмы заявить о том, что они хотели сделать? Нет, они не могли.

«Тебе... полностью промыли мозги, хах...» голосом, который намекал на жалость, прошептал его брат с презрением.

— «Интересно, что такое « промывание мозгов »?»

Пока он был погружен в свои мысли, истребители взлетели. Чтобы увидеть, как железные птицы встречаются и рисуют дуги в небе, Гилберт посмотрел на небеса. Самолеты пересеклись с Солнцем и на мгновение исчезли. Это было невероятно ослепительно. Однако его глазные

яблоки болели, как будто горели, заставляя его медленно опустить веки.

Возможно, из-за солнечного света образовались слезы.

<http://tl.rulate.ru/book/4767/732246>